

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

СТАЛИН. УРОКИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С молодых лет Сталин внимательно следил за русской литературой. Как образованный человек и как политик, он понимал громадное воздействие на людей печатного слова, но особенно — слова высокоталантливой художественной литературы. За ней он всегда внимательно следил, очень много читал, в том числе и литературной периодики, и делал свои выводы.

В преддверии военной грозы приобретала особое значение важнейшая задача советской литературы — воспитание в народе чувства советского патриотизма. Одно из его проявлений, как известно, — чувство любви и уважения к великому русскому народу, ставшему во главе других народов Советского Союза. Руководители государства и партии всегда решительно пресекали попытки принизить роль русского народа. Такие попытки, чего греха таить, были в литературе и в 20-х, и в начале 30-х годов. Иногда они проявлялись в произведениях известных литераторов, к примеру — Демьяна Бедного.

Довольно слабый поэт Демьян Бедный (Ефим Алексеев-Придворов) был ещё до Октября признанным партийным литератором. В его стихотворных фельетонах “Слезай с печки”, “Без пощады”, “Перерва” необходимая и полезная критика недостатков жизни и быта советских людей переросла в клевету. ЦК партии в специальном решении указал на это, но Д. Бедный вместо признания совершенно очевидных ошибок обиделся и написал письмо Сталину. Ответ Сталина от 12 декабря 1930 года настолько характерен и ярок, что заслуживает подробного разбора.

“Вы расцениваете решение ЦК как “петлю”, как признак того, что “пришел час моей (то есть Вашей) катастрофы”. Почему, на каком основании? Как назвать коммуниста, который, вместо того чтобы вдуматься в существование решения ЦК и исправить свои ошибки, третирует это решение как “петлю”?..

Десятки раз хвалил Вас ЦК, когда надо было хвалить. Десятки раз ограждал вас ЦК (не без некоторой натяжки!) от нападков отдельных групп и товарищей из нашей партии. Десятки поэтов и писателей одёргивал ЦК, когда они допускали отдельные ошибки. Вы всё это считали нормальным и понятным. А вот когда ЦК оказался вынужденным подвергнуть критике Ваши ошибки, Вы вдруг зафыркали и стали кричать о “петле”. На каком основании? Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки? Может быть, решение ЦК не обязательно для Вас? Может быть, Ваши стихотворения выше всякой крити-

ки? Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой “зазнайством”? Побольше скромности, т. Демьян...”

Перечислив стихотворения Д. Бедного, в которых имелись ошибки, и указав на их суть, Сталин продолжал: “Весь мир признаёт теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нём единственное своё отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу, и прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю...”

Сталин противопоставляет этой позиции точку зрения псевдообличителей: “А вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лошину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из “Домостроя”, стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную “Перерву”, что “лень” и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит, и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата...”

Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) “О фельетонах т. Демьяна Бедного “Слезай с печки”, “Без пощады” 6 декабря 1930 года

“О фельетонах т. Демьяна Бедного “Слезай с печки”, “Без пощады”

а) ЦК обращает внимание редакций “Правды” и “Известий”, что за последнее время в фельетонах т. Демьяна Бедного стали появляться фальшивые нотки, выразившиеся в огульном охаивании “России” и “русского” (статьи “Слезай с печки”, “Без пощады”); в объявлении “лени” и “сидения на печке” чуть ли не национальной чертой русских (“Слезай с печки”); в непонимании того, что в прошлом существовало две России: Россия революционная и Россия антиреволюционная, причем то, что правильно для последней, не может быть правильным для первой; в непонимании того, что нынешнюю Россию представляет его господствующий класс, рабочий класс, и прежде всего, русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового рабочего класса, причем попытка огульно применить к нему эпитеты “лентяй”, “любитель сидения на печке” не может не отдавать грубой фальшью.

ЦК надеется, что редакция “Правды” и “Известий” учтут в будущем эти дефекты в писаниях т. Демьяна Бедного.

б) ЦК считает, что “Правда” поступила опрометчиво, напечатав в фельетоне т. Д. Бедного “Без пощады” известное место, касающееся ложных слухов о восстаниях в СССР, об убийстве т. Сталина и т. д., ибо она не могла не знать о запрете печатать сообщения о подобных слухах”.

Демьян Бедный был сыном церковного сторожа, коренным русским по происхождению, никогда не являлся с троцкистами, напротив, помогал Сталину бороться с ними. Однако он, как и немало иных русских, был заражён национальным нигилизмом, распространённым в советской культуре той поры, — ясно кем. Сталин уже тогда замышлял возродить русские национальные традиции, а тем паче — пресечь троцкистско-бухаринское поношение России. В идеологии он всегда был требователен и строг, отсюда и столь жёсткие меры к авторитетному тогда партийному литератору.

Еще одна фигура в литературе — М. Хвиевой. О нём и его статьях Сталин писал в 1926 году: “Требования Хвиевого о “немедленной дерусификации пролетариата” на Украине, его мнение о том, что “от русской литературы, от её стиля украинская поэзия должна убежать как можно скорее”, его заявление о том, что “идеи пролетариата нам известны и без московского искусства”, его увлечение какой-то мессианской ролью украинской “молодой” интеллигенции, его смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики — все это и многое подобное в устах украинского коммуниста звучит теперь (не может не звучать!) более чем странно”.

Период с 1929-го и до начала 1932 года характерен обострением групповой борьбы; РАППовцы не только отталкивали, дискредитировали и поносили

своих беспартийных собратьев по перу, но и вызывали раскол в рядах писателей. Так, вне “генеральной линии пролетарской литературы”, по определению РАППовцев, оказался М. Шолохов, не говоря уже о писателях, происходящих из мелкобуржуазной интеллигенции.

“Правда” не раз выступала против групповщины, насаждавшейся РАППовцами, отмечала, что внутри этой писательской организации слабо развита самокритика, процветают подозрительность и недоверие, что руководство РАППа “замазывает” ошибки “своих” людей.

Но руководство РАППа вело себя до предела нагло. К примеру, Л. Авербах после одной критической статьи в “Правде” в 1930 году поставил перед секретариатом ЦК ВКП(б) ультиматум: “Или уймите “Правду” и дайте нам работать, или меняйте руководство РАПП”. Группировка Л. Авербаха, стремясь достичь командного положения в литературе, стала объявлять классовым врагом всякого, кто подвергал сомнению её непогрешимость.

23 апреля 1932 года ЦК ВКП(б) принял постановление “О перестройке литературно-художественных организаций”. ЦК партии принял решение ликвидировать РАПП и создать единый Союз советских писателей.

Для РАППовских деятелей это означало катастрофу; они пытались игнорировать постановление, первоначально не опубликовали его в соответствующем номере своего журнала “На литературном посту”, стали посылать в ЦК заявления. Для разбора заявлений Политбюро создало комиссию из пяти человек (И. В. Сталин, П. П. Постышев и другие). На заседание комиссии были приглашены авторы заявлений: А. Афиногенов, Б. Иллеш, Б. Ясенский, В. Киршон и другие. Бывшие РАППовцы, стремясь обеспечить себе во вновь создаваемом Союзе писателей доминирующее положение, предлагали создать в нём автономную секцию пролетарской литературы и навязать писателям измышленный РАППовцами “диалектико-материалистический творческий метод”.

Заседание длилось шесть или семь часов, прения были бурными: В. Киршон выступал двенадцать — пятнадцать раз, Афиногенов — четырежды... Убеждая упорствующих, раз пятнадцать пришлось выступить и Сталину. Первое своё предложение РАППовцы сняли быстро — настолько отрицательной была реакция авторитетных членов комиссии Политбюро, но “диалектико-материалистический метод” отстаивали упорно. К сожалению, на заседании не велось ни стенограммы, ни протокола, и мы не можем судить, кто из членов комиссии впервые дал определение метода социалистического реализма. Фактом остаётся то, что оно было сформулировано на заседании именно этой комиссии, и РАППовцы были вынуждены согласиться с ним.

Определение, предложенное комиссией, постепенно стало завоёвывать признание у писателей и критиков. Споров было немало, и М. Горький отстаивал определение социалистического реализма с твёрдостью.

В его доме на Малой Никитской, 6 и всегда-то собирались писатели, но в эти месяцы 1932 года встречи стали гораздо более частыми. Особенно представительным было собрание 26 октября: столовую, библиотеку, кабинет дома заполнили писатели — всего около пятидесяти человек: А. Фадеев, М. Шолохов, Л. Леонов, Ф. Панфёров, Ф. Гладков, Вс. Иванов, А. Малышкин, А. Афиногенов, П. Павленко и другие. В девять часов приехали Сталин и другие члены Политбюро. Все перешли в столовую.

Председателем единодушно избрали хозяина дома. Сидя в центре стола вместе со Сталиным, он начал беседу:

— Сегодня мы собрались, чтобы обсудить вопросы литературы, — сказал он. — Скоро исполнится пятнадцать лет Советской власти... Трудом рабочих и крестьян создано в нашей стране огромное количество дел... Литература не справляется с тем, чтобы отобразить содеянное...

К сожалению, и это совещание не стенографировалось, и никто из присутствующих не вёл записи выступлений. Так распорядился Горький: это было правило, неуклонно соблюдавшееся в его доме, чтобы каждый мог говорить свободно, не стесняясь.

Очевидцы утверждают, что скованность, натянутость вскоре исчезли, возникла непринуждённая обстановка, и писатели заговорили...

Поначалу речь шла об организационных делах, потом перешли к задачам и целям литературы. Разговор шёл начистоту. Все признавали важность, необходимость решения ЦК от 23 апреля.

По временам Сталин вставал из-за стола. По негласному уговору в комнате мог курить только Горький, и вместе с другими курильщиками Сталин стоял в дверях. Характер беседы был таким же, как и всегда в его присутствии: внимательно выслушивая выступающих, он вопросом или короткой репликой направлял беседу в необходимое русло.

Страстный спор вызвала сущность метода социалистического реализма. Мнения были самые различные и не всегда согласные. Высказал свою точку зрения и Сталин. Он упрекал критиков в том, что они не понимают природы писательского труда.

– Писатель черпает материал, краски для своих произведений из конкретной действительности, – говорил Сталин, – а вы подсовываете ему схему. Пусть учится у жизни!

Тут кто-то бросил реплику:

– Но это же эмпиризм!

– Чепуха! – Сталин усмехнулся. – Это слово можно применять к политике, учёному, но не к писателю. Поймите, если писатель честно отразит правду жизни, он непременно придёт к марксизму. . .

Запомнилось присутствующим и определение, данное Сталиным писателям: он назвал их “инженерами человеческих душ”.

Беседа затянулась, и разошлись писатели на рассвете.

Сталин внимательно следил за кинематографией, понимая огромное массовое воздействие кинофильмов (телевидения тогда ещё не было).

Сергей Эйзенштейн и Георгий Александров познакомились с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) 7 ноября 1927 года. Им было известно, что Сталин дал высокую оценку их совместной работе – “Броненосец “Потёмкин””. А с утра этого праздничного дня режиссёры лихорадочно, не думая ни о чём ином, не замечая окружающих, подчищали смонтированный материал нового фильма – “Октябрь”: вечером в Большом театре после торжественного заседания предполагался показ этого фильма, посвящённого 10-летию Октябрьской революции.

В четыре часа дня в монтажную вошёл Сталин. Поздоровавшись с режиссёрами так, будто давно их знал, он спросил:

– У вас в картине есть Троцкий?

Первоосновой сценария послужила книга Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир”. В ней преувеличивалась роль Троцкого в Октябрьской революции. Эйзенштейн ответил, что Троцкий действительно присутствует в кинофильме.

– Покажите эти части. . . – Сталин был очень серьёзен.

Механика не было, ролики крутил Александров, Эйзенштейн сидел в зале со Сталиным. После просмотра нескольких частей Сталин сообщил режиссёру, что троцкистско-зиновьевская оппозиция перешла к открытой борьбе с Советской властью и только что пыталась организовать в Москве и Ленинграде контрдемонстрацию.

– Картину с Троцким сегодня показывать нельзя, – таков был вывод Сталина.

В Большом театре в тот вечер показали только фрагменты фильма, вышел же он на экран в марте 1928 года.

Без преувеличения можно сказать, что вся наша страна, от мала до велика, уже более шестидесяти лет с удовольствием смотрит первую советскую звуковую комедию “Весёлые ребята”. Трудно это сейчас представить, но перед создателями её громоздились одно за другим препятствия: картина была ещё в работе, а на неё уже ополчились горе-кинокритики, затем в дело ввязались бывшие деятели РАППа. В “Литературной газете” эту кинокомедию самым серьёзным образом противопоставляли “Чапаеву” – уже получившей одобрение зрителей героической эпопее. Тут же была помещена карикатура: Чапаев собственноручно выметает метлой с экрана персонажей “Весёлых ребят”. Дело дошло до того, что нарком просвещения А. С. Бубнов (кинопромышленность тогда находилась в его ведении) запретил показ готового фильма.

Председателю Главного управления кинофикации Шумяцкому и режиссёру Александрову посчастливилось показать фильм Горькому. Фильм понравился. Георгий Александров вспоминал впоследствии: “Горький же вскоре после этого организовал показ “Весёлых ребят” для членов Политбюро ЦК нашей партии. Тут оторопь нашла на Шумяцкого. Ему показалось, что фильм

ещё не готов, и он приказал везти только две первые части. На всякий случай, без согласования, я прихватил и остальные части. В напряжённом ожидании сидел я в соседней с просмотровым залом комнате.

Через какое-то время слышу:

– Вызывайте Александрова с продолжением.

Я поднялся наверх и осторожности ради говорю:

– У меня тут не всё готово.

– Ничего, ничего. Показывайте, что есть. Смотрели “Весёлых ребят” с явным удовольствием.

Смеялись, обменивались репликами. По окончании сеанса все, кто был в просмотровом зале, смолкли, ждали, что скажет Сталин.

– Хорошо! Я будто месяц пробыл в отпуске, – сказал он, и все стали возбуждённо вспоминать понравившиеся детали кинокомедии.

Само собой разумеется, что запрет на картину был снят...

Другой комедийный фильм этого режиссёра – “Волга-Волга” – был встречен бурными приветствиями публики и... злой критикой. Сталину же фильм очень нравился, он смотрел его много раз, а в 1942 году послал его в качестве подарка президенту США Рузвельту. После одного приёма в честь участников декады украинского искусства Сталин пригласил группу видных деятелей в свой просмотрный зал, сел между В. И. Немировичем-Данченко и Г. В. Александровым.

“По ходу фильма Сталин, – вспоминал Александров, – делясь с нами своим знанием комедии, своими чувствами, обращаясь то ко мне, то к Немировичу-Данченко, полушёпотом сообщал: “Сейчас Бывалов скажет: “Примите от этих граждан брак и выдайте им другой”. Произнося это, он смеялся, увлечённый игрой Ильинского, хлопал меня по колену. Не ошибусь, если скажу, что он знал наизусть все смешные реплики этой кинокомедии.

Когда на приёме Сталину представили Игоря Владимировича Ильинского, он пошутил:

– Здравствуйте, гражданин Бывалов. Вы бюрократ, и я бюрократ, мы поймём друг друга. Пойдёмте, побеседуем, – и повёл его к столу”.

Суждения Сталина о другой картине Александрова (первоначально она именовалась “Золушкой”) были гораздо сдержаннее: картина не имела того сатирического запала, который был свойствен “Волге-Волге”. Явно не соответствовало содержанию и название. На следующий день после встречи со Сталиным режиссёру прислали домой листок, на котором рукой Сталина было набросано, на выбор, двенадцать названий. Александров предпочёл “Светлый путь”. Этой картине также суждена была долгая жизнь на киноэкране.

Так было не только с картинами Эйзенштейна и Александрова. Не раз получал поддержку у Сталина такой высокоодарённый и сложный художник, как Александр Довженко. В ноябре 1928 года на Пленуме ЦК был продемонстрирован фильм “Арсенал”. Общее мнение было положительным. Сталин же сказал:

– Настоящая революционная романтика!

Во время работы над “Аэроградом” Довженко столкнулся с непреодолимыми, казалось, осложнениями, грозившими не только картине, но и судьбе режиссёра. Это побудило его, как и за несколько лет до того, обратиться к Сталину. Через двадцать два часа после того, как Довженко опустил письмо в ящик, он уже находился в кабинете Сталина.

Представив кинорежиссёра Ворошилову, Кирову и Молотову, Сталин очень доброжелательно выслушал Довженко и попросил его прочесть сценарий “Аэрограда”. По окончании руководители партии и правительства сделали замечания, причём Довженко убедился, что интересуется их не только содержание сценария, но и чисто профессиональная сторона дела. Сталин расспросил режиссёра о Дальнем Востоке, где тот побывал, а затем сказал:

– Могли бы вы показать на карте место, где бы начали строительство города, если бы были не режиссёром, а строителем?

Довженко настолько “вошёл в тему”, что, не колеблясь, ответил утвердительно. Тогда Сталин повёл его в маленький кабинет, увешанный картами. Режиссёр показал полюбившееся ему место и объяснил, почему выбрал именно его...

Работа над “Аэроградом” продолжалась. В феврале 1935 года, во время церемонии вручения Довженко ордена Ленина, Сталин подал реплику:

– За ним долг – украинский Чапаев!

Речь шла о Николае Щорсе. Довженко выразил согласие поставить о нём фильм, но сначала надо было закончить “Аэроград”. В газетах же одна за другой стали появляться статьи о предстоящей постановке “Щорса”. Это сказывалось на работе художника, он не мог приступить к новому фильму, не завершив “Аэроград”, а потому нервничал. Видимо, это стало известно в Политбюро, и Довженко вызвали к Сталину.

Генеральный секретарь начал беседу с подробных расспросов о работе над “Аэроградом”, о творческом самочувствии, о том, достаточно ли помогает Управление воздушными силами при съемках аэропланов. Довженко почувствовал, что помощь ему обеспечена, и успокоился, а Сталин продолжал:

– А теперь я вам скажу, для чего вас вызвал. Когда я говорил вам в прошлый раз о Щорсе, я это сказал в плане совета. Я просто думал о том, что вы примерно будете делать на Украине. Но ни мои слова, ни газетные статьи ни к чему вас не обязывают. Вы – человек свободный. Хотите делать “Щорса” – делайте, но если у вас имеются иные планы – делайте другое. Не стесняйтесь. Я вызвал вас для того, чтобы вы это знали.

Довженко заверил, что с охотой будет работать над “Щорсом”.

Дошли до нас воспоминания выдающегося грузинского режиссёра М. Чиаурели. Он вспоминал, в частности, что при просмотре “Последнего маскарада” реакция Сталина была бурной. Да это и неудивительно: на экране показывали конец грузинских меньшевиков, столь хорошо знакомых Сталину. Когда один из героев перед смертью запел песню пахаря – “Оравела”, – Сталин погружился в детские воспоминания:

– Крестьяне давали мне кувшинчик простокваши и заставляли петь во всё горло с утра до вечера. . .

После просмотра зашла речь о грузинском классике Илье Чавчавадзе, произведения которого некоторое время были не слишком популярны стараниями грузинских “сверхреволюционеров” от литературы.

– Это – ошибка, – заметил Сталин, – история, аналогичная с отношением к Льву Толстому. Не потому ли мы проходим мимо Чавчавадзе, что он из князей? . .

Летом 1940 года замечательный русский режиссёр В. Пудовкин снимал на “Мосфильме” картину “Суворов”. Время было предгрозовое, страна готовилась к неизбежной войне. Занятый многими неотложными делами, И. Сталин ознакомился со сценарием и написал любопытную записку, где высказал своё мнение о полководце. Лишь недавно этот документ был извлечён из секретнейшего архива Политбюро ЦК КПСС.

“Сценарий “Суворова” страдает недостатками. Он тощ и не богат содержанием. Пора перестать изображать Суворова как добренького папашу, то и дело выкрикивающего “ку-ка-ре-ку” и приговаривающего “русский”, “русский”. Не в этом секрет побед Суворова.

В сценарии не раскрыты особенности военной политики и тактики Суворова: 1) Правильный учёт недостатков противника и умение использовать их до дна. 2) Хорошо продуманное и смелое наступление, соединённое с обходным маневром для удара по тылу противника. 3) Умение подобрать опытных и смелых командиров и нацелить их на объект удара. 4) Умение смело выдвигать отличившихся на большие посты вразрез с требованиями “правил о рангах”, мало считаясь с официальным стажем и происхождением выдвигаемых. 5) Умение поддержать в армии суровую, поистине железную дисциплину.

Читая сценарий, можно подумать, что Суворов сквозь пальцы смотрел на дисциплину в армии (невысоко ценил дисциплину) и что он брал верх не благодаря этим особенностям его военной политики и тактики, а главным образом – добротой в отношении солдат и смелой хитростью в отношении противника, переходящей в какой-то авантюризм. Это, конечно, недоразумение, если не сказать больше. Эти замечания относятся также к известной пьесе “Суворов”, поставленной в ЦТКА.

И. Сталин”.

Фильм вышел на экраны страны в конце 1940 года и имел огромный успех, он сыграл большую роль в подготовке морального духа населения страны накануне Великой Отечественной войны.

Сталину приходилось заниматься самыми разнообразными, порой неожиданными делами.

В программах и методах работы в школе господствовали утвердившиеся с 20-х годов взгляды, имеющие мало общего с нынешними нашими представлениями. Достаточно нескольких примеров. В так называемой “комплексной программе” на 1924 год говорилось: “Нет надобности гнаться за сообщением какой-либо определённой суммы знаний”. Столь же настоятельно подчеркивалось, что “не должно быть в школе арифметики и русского языка как особых предметов”, что “никакого особого, изолированного курса природоведения не должно быть” и т. д. Нетерпимое положение сложилось в преподавании истории: ни о какой “сумме знаний” тут и речи не было. В другой “комплексной программе”, от 1929 года, утверждалось, что “особой беды не будет, если дети не усвоят исторические факты и события, которые имели место до Октябрьской революции, в их исторической последовательности”. Поэтому, — продолжали авторы этой, с позволения сказать, “программы”, — “не вводится ряд крупнейших исторических событий, как, например, японская война, революция 1905 года, чтобы не осложнять (!) понимание основной сущности дооктябрьского прошлого и послеоктябрьского настоящего”.

Тлетворное влияние на положение дел в школе оказывали педологи. Выхватывая клочки превратно понятых, нередко искажённых положений из разных наук (анатомии, физиологии, психологии, психопатологии и др.), сдвигая их ненаучными методами, заимствованными у различных буржуазных психологов, сторонников педологии (Блонский, Залкинд, Моложавый и др.), они претендовали на всеобъемлющую роль их “науки” в школе и нанесли ей немалый вред.

Не лишне упомянуть, что чаще всего “сверхреволюционеры” от педагогики в своё время отдали дань троцкизму.

Особое значение для надлежащей постановки преподавания общественных наук в школах и вузах СССР имело постановление СНК и ЦК от 16 мая 1934 года. В нём констатировалось, что главным недостатком существовавших тогда учебников истории и самого преподавания в школе был их отвлечённый, схематический характер: “Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме, с изложением событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связное изложение гражданской истории отвлечёнными социологическими схемами”. Постановление имело решающее значение для создания стабильных учебников истории.

Были созданы группы учёных для составления новых учебников, вскоре они представили и конспекты по истории СССР и новой истории. Однако конспекты эти оказались неудовлетворительными. 8–9 августа 1934 года Сталин, Жданов и Киров написали замечания, в которых оба конспекта были подвергнуты обстоятельному разбору и суровой критике. Особенно неудовлетворительно был составлен конспект по истории СССР, который изобилует ненаучными, неграмотными определениями, страдал крайней неряшливостью, недопустимой, как подчёркивалось в замечаниях Сталина, Жданова и Кирова, при создании “учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение. . . Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых”. Создание такого учебника было нелёгким делом, и удалось оно далеко не сразу. На это потребовались годы и годы.

В 1937 году в СССР побывал известный австрийский писатель Лион Фейхтвангер. Он многое видел, присутствовал на процессе “антисоветского троцкистского центра”. Западноевропейский писатель, отнюдь не коммунист, высказал в книге “Москва 1937” весьма здравые и благоприятные суждения как об общем положении в стране, так и о ходе процесса, о справедливости вынесенного им приговора.

Удостоился Фейхтвангер и встречи со Сталиным. Разговор был откровенным.

“На моё замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами, — писал Фейхтвангер. — Он извинял своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не

могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно, обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да ещё какие! – в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьёзен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. “Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов”. Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная сума-тоха её устроителям, и знает, что всё это относится к нему не как к отдельно-му лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем “перманентная революция”.

Органы государственной безопасности (ОГПУ, ГПУ, позднее – НКВД) разоблачили немало шпионов и диверсантов, сорвали попытки фашистских и иных империалистических разведок ослабить оборонную мощь СССР. Это имело важные последствия: когда началась война, “пятой колонны”, как известно, фашисты, к своей досаде, в СССР не обнаружили. Но в своей деятельности органы госбезопасности (и вина Сталина здесь несомненна) допустили грубые ошибки и произвол, в результате чего пострадали очень многие ни в чём не повинные люди.

Было бы несправедливым утверждать, что Сталин не реагировал на доходившие к нему сигналы о недостатках, ошибках или извращениях политики партии. Известно немало случаев, когда его реакция на такие сигналы была и решительной, и быстрой. Один из наиболее убедительных примеров связан с именем М. А. Шолохова.

В Вёшенском районе, где всю жизнь работал великий писатель, весной 1933 года сложилась чрезвычайно серьёзная обстановка: под видом изъятия излишков хлеба по распоряжению руководства Азово-Черноморского края была проведена конфискация всего зерна, в том числе и выданного авансом на трудодни. Местные коммунисты, указавшие руководителям края на неправильность и недопустимость таких действий, были обвинены в пособничестве кулачеству, исключены из партии и арестованы. Тогда М. А. Шолохов, всегда живший с родным краем одной жизнью, написал в Центральный Комитет беспощадно правдивое, суровое письмо, в котором просил расследовать неправильные действия краевых работников и помочь продовольствием ряду районов, так как там начался голод. Через несколько дней пришла телеграмма от Сталина: “Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем всё, что требуется. Назовите цифру”. После подсчётов необходимого количества продовольствия Шолохов написал Сталину ещё раз. В ответной телеграмме Сталин информировал, какому району и сколько отправлено хлеба, и добавлял: “Надо было сообщить не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени”.

Затем Сталин отправил Шолохову письмо. Содержание его показывает, что Сталин, принявший решительные меры к исправлению положения, всё же в какой-то мере склонен был оправдывать происшедшее. Он писал: “Я благодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всём согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили “итальянку” (саботажи!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию – без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы, по сути дела, вели “тихую” войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой товарищ Шолохов...”

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками.

И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но всё же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали”.

На Дон была послана специальная комиссия ЦК, арестованные и осуждённые (в том числе к расстрелу) были освобождены, коммунисты восстановлены в партии.

То уже было продолжение давних отношений Сталина с Шолоховым. А началось всё в июле 1931 года. Третья книга “Тихого Дона”, где изображалось казачье восстание против троцкистского террора, была задержана. Шолохова обвиняли в “кулацком уклоне” (шла коллективизация!), печатание романа запретили, писателю грозил арест. Тогда Сталин встретился в доме Горького с Шолоховым, чтобы самому принять решение.

“... И когда я присел к столу, — рассказывал позже Шолохов, — Сталин со мною заговорил... Говорил он один, а Горький сидел молча, курил папиросу и жёл над пепельницей спички... Сталин начал разговор со второго тома “Тихого Дона” вопросом: “Почему в романе так мягко изображён генерал Корнилов? Надо бы его образ ужесточить...” Я ответил, что в разговорах Корнилова с генералом Лукомским, в его приказах Духонину и другим он изображён как враг весьма ожесточённый, готовый пролить народную кровь. Но субъективно он был генералом храбрым, отличившимся на австрийском фронте. В бою он был ранен, захвачен в плен, затем бежал из плена в Россию. Субъективно, как человек своей касты, он был честен... Тогда Сталин спросил: “Кто это — честен?! Раз человек шёл против народа, значит, он не мог быть честен!” Я ответил: “Субъективно честен, с позиций своего класса. Ведь он бежал из плена, значит, любил родину, руководствовался кодексом офицерской чести... Самым убедительным доказательством того, что он враг — душитель революции, являются приводимые в романе его приказы и распоряжения генералу Крымову залить кровью Петроград и повесить всех депутатов Петроградского Совета!”...

Прервёмся и вчитаемся в приведённый текст. Как видно, Сталин был подготовлен к беседе. Вопрос про Л. Г. Корнилова вызван тем, что в последних опубликованных частях романа ему уделялось много внимания. Но вряд ли этот сюжет мог иметь большое значение, ибо в шестой части, о которой велась речь, генерал упоминается лишь один раз, и то мельком. Главное же — “белое дело” давно потерпело поражение, а к 1931 году стало ясно — поражение окончательное, то есть сама история поставила тут точку.

Продолжим цитирование: “Сталин... задал вопрос: откуда я взял материалы о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южного фронта по отношению к казаку-середняку? Я ответил, что в романе всё строго документально. А в архивах документов достаточно, но историки их обходят и зачастую гражданскую войну на Дону показывают не с классовых позиций, а как борьбу сословную — всех казаков против всех иногородних... Троцкисты, вопреки всем указаниям Ленина о союзе с середняком, обрушили массовые репрессии против казаков, открывших фронт. Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого, а затем скатились в лагерь контрреволюции... В этом суть трагедии народа!”

Сталин подымил трубкой, потом сказал: “А вот некоторым кажется, что третий том “Тихого Дона” доставит много удовольствия белогвардейской эмиграции”... Я ответил Сталину: “Хорошее для белых удовольствие! Я показываю в романе полный разгром белогвардейщины на Дону и Кубани!” Сталин снова помолчал. Потом сказал: “Да, согласен! — И, обращаясь к Горькому, добавил: — Изображение событий в третьей книге “Тихого Дона” работает на нас, на революцию!” Горький согласно кивнул: “Да, да...” За всю беседу Сталин ничем не выразил своих эмоций, был ровен, мягок и спокоен. А в заключение твёрдо сказал: “Третью книгу “Тихого Дона” печатать будем!”

Так была решена судьба величайшего произведения мировой литературы — шолоховского романа.

Чтобы закончить сюжет “Сталин и литература”, расскажем о встречах Сталина с писателями в самые тяжёлые и напряжённые для него и всего народа времена — в годы Великой Отечественной.

Совсем недавно кропотливые историки-архивисты сделали всем нашим, да и не только нашим гуманитариям ценнейший подарок. Вышел специальный выпуск журнала “Исторический архив”, обширная публикация которого оза-

главлена несколько длинно, зато исчерпывающе точно: “Посетители кремлёвского кабинета И. В. Сталина. Журнал записи лиц, принятых первым Генсеком. Алфавитный указатель”.

На нынешнем американизированном жаргоне это следовало бы назвать сенсацией. Еще бы! Публикации в буквальном смысле слова нет цены, ибо её появление разрушает множество привычных и даже окостеневших сплетен, особенно в беллетристике и журналистике. Про так называемое исчезновение Сталина в первые дни войны уж не хочется и вспоминать. Загляните в “Журнал”: с того 22 июня до глубокой ночи сидел он в своём кабинете. А совсем недавно возникла и широко разнеслась “новость” о тайной встрече Сталина и Гитлера во Львове 17 октября 1939 года. Читаем в журнале: в тот день Сталин принимал посетителей с 19 часов 35 минут до 23 часов 20 минут, а накануне тоже вёл вечерний приём. И реактивных самолётов ещё не изобрели...

А сколько таких ошибок ещё предстоит выгрести! Коснёмся только одного лишь сюжета из материалов данного бесценного источника — о встречах И. Сталина с писателями, а ещё уже, ибо таковы рамки наших заметок, — об этих встречах в драматические годы Великой Отечественной войны. Тут чрезвычайно много неожиданного.

Обратим внимание на то, что среди писателей, побывавших тогда в Кремле, не оказалось самых вроде бы знаменитых в ту пору: ни разу не появились там В. Вишневский, Л. Леонов, К. Симонов, А. Твардовский, А. Толстой, А. Фадеев, И. Эренбург. Особо, как обыкновенно, придётся сказать о М. Шолохове. Имеется множество опубликованных баек на этот счёт, однако беспристрастный и точный источник свидетельствует: в годы войны Шолохов не появился в Кремле ни разу.

А кто же был?

Ну, кое-что уже было известно о посещении Кремля С. Михалковым в 1943 году по поводу текста гимна. 25 ноября 1944 года посетил Кремль Н. Тихонов; хотя подробности известны до сих пор скупо. 30 января 1944 года И. Сталин принял группу украинских писателей — понятно, Красная Армия приближалась к западноукраинским землям, где немцы вооружили бандеровцев и создали дивизию СС “Галичина”, надо было позаботиться об идейном противовесе. Наконец, в 1942–1943 годах И. Сталин несколько раз принимал драматурга А. Корнейчука, автора популярнейшей тогда пьесы “Фронт” — эталон советской самокритики на первые неудачи войны.

Вот, собственно, и всё. Ведь не относить же к писателям будущих членов ЦСП М. Храпченко и Д. Ортенберга: первый был во главе Комитета по делам искусств, второй — в “Красной звезде”. Ясно, что не о прозе и о поэзии с ними велась речь. Но есть в данном сюжете совершенно потрясающая неожиданность. Это имя советской писательницы, чистокровной польки по происхождению Ванды Василевской. Её Сталин принял в Кремле... пятнадцать раз! То есть примерно столько, сколько всех других писателей, вместе взятых. Это достойно внимания уже само по себе, тем более — факт совершенно неожиданной. Ныне эта талантливая писательница несправедливо забыта: два слова о ней. В полуфашистской довоенной Польше Василевская приняла участие в революционном движении, боролась за права угнетённых украинцев и белорусов. В сентябре 1939 года, спасаясь от неминуемого ареста, бежала во Львов, приняла советское гражданство. Её повесть “Радуга”, изданная в 1942 году и экранизированная, пользовалась огромной популярностью, это и в самом деле добротная и честная проза. Хороши были и другие её произведения, военная и послевоенная публицистика. Скончалась она, не дожив до шестидесяти лет, произведения её давным-давно не издавались.

Дважды И. Сталин принимал Ванду Василевскую ещё в 1940-м, когда она была малоизвестна советскому читателю. Трижды принял её и в 1943-м, а в 1944-м — одиннадцать раз, с 17 мая по 1 октября. О чём же вели они эти долгие разговоры? Точно ничего не известно, писательница не рассказывала. И близкие её тоже не рассказали, а оставшиеся после её кончины материалы никто, кажется, толком не разобрал.

Знаменитых Шолохова и Алексея Толстого, самых-самых популярных публицистов Симонова и Эренбурга среди посетителей Кремля не оказалось, как и главы Союза советских писателей Фадеева. Зато часто бывала относительно скромная писательница Ванда Василевская. Почему же? А потому, несомненно, что Сталина как государственного деятеля интересовали люди не

по славе или чинам, а по тому, что именно нового и необычного они могли ему сообщить. Очевидцы свидетельствуют, что польско-советская писательница отличалась остротой ума и сильным характером, а своё умение держать секреты она доказала. Сталин именно таких людей ценил.

И последнее: в конце двадцатых – первой половине тридцатых годов Сталину приходилось встречаться совсем с иными людьми, частенько заходя в Кремль Л. Авербах, В. Киршон, М. Кольцов. И он их тоже выслушивал. И, наверное, сделал свои выводы.

Теперь опять-таки сравним сравнимое. Можно ли представить себе, что бы союзники Сталина по антигитлеровской коалиции во время войны вот так же общались с крупнейшими литераторами своих стран? Допустим, Рузвельт принимал в Белом доме знаменитейших американских писателей Стейнбека или Хемингуэя, а Черчилль – Пристли? Не случилось с ними такого... И не следили они так внимательно за литературой, хотя были образованными и разносторонними людьми.

О травле русских писателей интернационалистами-руссофобами ныне уже достаточно хорошо известно. Как понятно и то, что Сталин, именно он, а не кто иной, спас от физического уничтожения Михаила Булгакова и Михаила Шолохова, Алексея Толстого и Андрея Платонова. Чем была бы русская – да и мировая в целом! – литература без этих имён? А вот за темноватых Бабеля и Пильняка не заступился...

Однако необходимо сказать, что в двадцатых – начале тридцатых годов наибольшему поношению и глумлению подверглась всё же не русская литература, а история нашего Отечества. Тут грязных слов не жалели! И все это растекалось по учебникам и прочим массовым изданиям. Внушалось, что советскому гражданину должно стыдиться прошлого своей страны, и особенно – русского народа.

Вот как освещалась в Советской энциклопедии 1931 года издания Отечественная война 1812 года: “Отечественная” война (обратим внимание на презрительные кавычки!), русское националистическое название войны, происшедшей в 1812 между Россией и Францией... В 1810-м русское пр-во в ответ на невыгодный для него тариф, принятый Францией, издало невыгодный для Франции тариф. Это было основным поводом к “О.” в. Так называемая народная война 1812-го, из-за которой вся война получила пышное название “Отечественной”, дело тут было не в подъёме патриотического “духа”, но в защите крестьянами своего имущества”.

Главнначальствующим советских историков был в те поры М. Н. Покровский. Русский по происхождению, ученик знаменитого В. О. Ключевского, он ещё до революции был охвачен осатанелой руссофобией, после же Октября, получив немалую административную власть из рук самого Ленина, он сделал поношение России основным направлением историографии. Не отставали и его питомцы. Например, глумливая статья об Отечественной войне была написана его ученицей М. Нечкиной (правда, муж у неё был Эпштейн, родной брат Яковлева-Эпштейна, усмирителя колхозного крестьянства). Впрочем, Нечкина вскоре покаялась и грубо поносила в печати своего бывшего учителя. Как и все другие ученики Покровского.

Сталин в деле очищения русской истории от троцкистско-бухаринско-покровских поношений действовал прямо и с необычной даже для него решимостью. В 1934 году летом, находясь на отдыхе в Сочи, он вместе со Ждановым сделал строгие замечания на конспекты учебников по истории. Письмо это подписал и находившийся тогда в Сочи Киров, хотя никакого отношения к делу не имел.

Результаты последовали сразу, и самые благие. Уже 26 января 1936 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома, где пресловутая “школа Покровского” обвинялась – в соответствии с тогдашним партлексиконом – в “ликвидаторстве”, то есть завуалированно – в исторической руссофобии. Всё в этой области начало сразу и быстро меняться коренным образом, а это немедленно сказалось на всех иных гуманитарных областях, культуре и искусстве.

Самое же поразительное, что стало происходить в тридцатых годах, это осторожное, на поверхности явлений почти не заметное, но очень серьёзное изменение политики в отношении религии, прежде всего – Русской Православной Церкви. Надо напомнить, что основатели “научного коммунизма”

Маркс и Ленин были яркими атеистами и богоборцами. Эта традиция прочно въелась в коммунистов всего мира, а в русских большевиков особенно. В тридцатые годы Сталин, будь он даже всевластен, не смог бы произвести в этой области резких перемен: его бы не поняли не только сторонники в ЦК, но и великое множество рядовых членов партии.

Мы впервые публикуем два поразительных документа, которые недавно извлечены из фондов Архива Президента Российской Федерации (АПРФ). В виду их необычайной важности оба дадим в факсимильном виде. Эти краткие тексты нуждаются в пояснениях.

Первый документ, подписанный Сталиным в сентябре 1933 года. Адресат документа не указан, но можно с полным основанием предположить, что он направлен столичным властям. Партруководитель тогда – М. Каганович, председатель Мосгорисполкома – Н. Булганин, они были лишь послушными исполнителями, а к Сталину обратилась группа русских гуманитариев во главе с замечательным архитектором и общественным деятелем П. Д. Барановским. Пока данный сюжет не изучен, но нет сомнений, что множество московских памятников истории и культуры общероссийского значения были спасены.

“С 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из оставшихся переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счёт разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества.

Органы советской власти и рабоче-крестьянской милиции, ОГПУ обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества”.

“11 ноября 1939 года

Вопросы религии

По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православноверующим ЦК постановляет:

1). Признать нецелесообразным впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2). Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2 “О борьбе с попами и религией”, адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православноверующих, – **отменить**.

3). НКВД СССР произвести ревизию осуждённых и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. **Освободить из-под стражи** и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осуждённым по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4). Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно”.

Второй документ – ещё более поразительный. Он датирован ноябрём 1939 года, когда вопрос о полноте личной власти Сталиным был уже решён. Однако даже с учётом этого решительность поворота не может не поражать. Сталин отменяет распоряжение самого Ленина, чего он до сих пор не делал, кажется, никогда. Действительно, перед самой войной многие церковнослужители были отпущены из лагерей и мест ссылки. Однако и данный документ нуждается в основательном историческом изучении.

“Счастливые” для поколения “пламенных революционеров” двадцатые годы закончились, наступили тридцатые, для большинства из них ставшие весьма печальными. Многие, очень многие стали жертвами “необоснованных репрессий”, как плакали позже духовные наследники этих самых “пламенных”.

Особенно впечатляет тут словечко “необоснованные”. Тут есть очевидное противопоставление репрессиям, так сказать, “обоснованным”, то есть против попов, дворян, кулаков, казаков и “буржуазной интеллигенции”. Их-то не жалко было, ни тогда, ни в пору позднейшей “реабилитации”.

Политическая история тридцатых годов и приход к единоличной власти Сталина в настоящее время хорошо изучены и описаны с самых различных точек зрения, любой заинтересованный гражданин может выбрать себе любую. Нет сомнений, что в середине тридцатых страна пережила нечто вроде английской “славной революции” или наполеоновской контрреволюции. Но имелось в тогдашней истории России одно существенное обстоятельство, принципиально отличающее её от революционных событий в иных странах. В революционной и послереволюционной Англии и Франции у власти находились французы и англичане, горячие патриоты своей родины, они и сделали их великими мировыми державами. В революционной же России, наоборот, власть захватили нерусские космополитические силы, которые были не только равнодушны к сути русской истории, но даже прямо и открыто презирали страну и народ, которым безраздельно и жестоко правили.

Сталина ненавидели и ненавидят все наследники “пламенных революционеров” и их духовные родственники во всём мире. Ведь именно он провёл очищение верхов Советской империи, правопреемницы императорской России, от яростных русоненавистников, значительную долю которых составляли, как известно, евреи. Как бы мы ни относились к Сталину, но всё же спросим: *лепо ли*, чтобы Англией или Францией правили франконенавистники и англофобы? Случившееся с революционной Россией есть, несомненно, исторический нонсенс, как на это дело ни посмотри. Так не могло долго продолжаться в великой державе. Да.

Бросается в глаза главное: верхушка партийно-государственного руководства перестала быть еврейской или проеврейской. Прежнюю, послереволюционную, в своём большинстве еврейскую, отправили известно куда, оставшиеся – притихли. Подчеркнём, что это вовсе не было проявлением сталинского “антисемитизма”, а было это прямой государственной необходимостью, ибо нельзя вести большое строительство руками профессиональных разрушителей.

Да, оставшийся на вершине власти Каганович уже не призывал “задрать подол матушке-России”, не рушил православных храмов, а деятельно занимался хозяйственными делами гигантского масштаба. На этом поприще еврейская энергетика вообще нашла себе достойное применение, вспомним хотя бы Ванникова, Зальцмана, Иоффе и многих, многих иных: они вместе с русским народом строили великую советскую индустрию. Сталин как бы переключил разрушительный дух революционного еврейства России на созидательные дела в хозяйственной сфере.

В кровавых чистках тридцатых годов содержался, помимо очевидного политического, ещё и значительный национально-культурный смысл, до сих пор, кажется, недооценённый. В официальной партийной идеологии не исчезла, разумеется, совсем, но в значительной мере была приглушена традиционная марксистско-ленинская и троцкистская русофобия. Это заметно отразилось в искусстве предвоенных лет, эстетический и эмоциональный уровень которого был исключительно высок. Ещё недавно Эйзенштейн по сценарию Бабеля снимал “Бежин луг” про доносительный подвиг Павлика Морозова, где ключевой сценой стало своего рода ритуальное разорение православного храма. Но уже в тридцать восьмом году тот же Эйзенштейн снял потрясающий патристический фильм “Александр Невский”, где звучала гениальная музыка Прокофьева и блистал талант русского актёра Черкасова. И Мейерхольду уже не пришлось корёжить русскую театральную классику, зато засияло блистательное созвездие МХАТа. Ясно, что при всевластии Троцкого и Луначарского эти благие перемены были бы немислимы.

Русское искусство со второй половины тридцатых годов словно пробудилось от русофобского дурмана. В России народный дух яснее всего проявлялся в песенном творчестве. Двадцатые годы в этом отношении равны нулю (музыка белого лагеря, часто весьма выразительная, до народа не доходила).

Десяток лет спустя над страной стали звучать песни русского поэта Василия Лебедева, по молодости приклеившего к своему имени “пролетарскую” кличку “Кумач”. Слова его песен “Нам песня строить и жить помогает”, “Кто ищет – тот всегда найдет!” и множество иных органично вошли в русский язык,

стали словами-символами. Именно на этих образах воспитывалось поколение, отстоявшее родину в дни страшных испытаний. Кстати, даже Светлов (Шенкман) после косноязычной “Гренады” написал добротную песню “Каховка”. Как видно, сталинский поворот к национальной русской культуре оказался полезен и для многих русскоязычных евреев. Однако – и это надо подчеркнуть! – еврейская идеологическая поросль, возвращённая в коминтерновские времена, встретила этот сталинский поворот крайне враждебно. Разумеется, в те времена публично так было высказываться невозможно, но о том стало известно из позднейших мемуаров (Л. Разгон и др.) и публикаций.

Вот чем закончилась и к каким серьёзным последствиям привела “великая культурная контрреволюция”, проведённая во второй половине тридцатых годов Иосифом Виссарионовичем Сталиным.